

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА-

ПАРТИЙНОСТЬ ТАЛАНТА

Партийность искусства — что же это такое? Прежде всего она выражается в отношении художника к своему делу. Это самая высокая мера ответственности художника за свое творчество, за его чистоту, за точность и действенность его посылов.

Сегодня в стране «театральный бум», интерес публики к театру чрезвычайно возрос. И это предвещает к нам, мастерам сцены, новую меру ответственности, ибо все пришедшие в театр должны уходить из него лучше, чище, мудрее, чем были, отчетливее видя, где добро, а где зло.

Партийность театра — это значит, что он не идет на поводу у зрителя, не заигрывает с ним, но чутко, уважительно изучает его душевный отклик на свое искусство, апеллирует к самым сокровенным движениям ума и сердца. Позиция театра, его партийность начинают свой отчет, конечно, с репертуара. Теперь у нас есть из чего выбирать, создано много прекрасных пьес. Среди них — произведения Арбузова и Розова (я особенно люблю их ранние пьесы), Симонова и Салынского, Ибрагимбекова и Гельмана, Друце и Василева, Маринявичюса и Распутина. Повествуя о проблемах, близких современному зрителю, общественно важных, драматурги ведут глубокое нравственное исследование характеров, любовно высветивая ростки нового, передового. «завтрашнего» в поведении сегодняшних героев.

Хотелось бы от души пожелать и нашим латышским драматургам плодотворнее идти именно по этому пути. Быть не только на уровне своего времени, но немножко впереди его, понимать тенденции развития общества, пути совершенствования человеческой природы — это тоже элементы партийности искусства.

Я вспоминаю весьма поучительную историю одной из ранних пьес Гунара Приеде — «Твое доброе имя». Когда-то, лет пятнадцать назад, она впервые появилась на наших подмостках и погоды, что называется, не

сделала. Одни даже обвинили драматурга в мелкотемье, другие осуждали пьесу за то, что она уводит театр с магистральной линии жизни. Прошли годы. И вот наш главный режиссер Арнольд Лининь вновь обратился к этой пьесе. И вдруг она заискрилась новыми, очень современными красками, словно была написана только сегодня, ни у кого уже не вызывая сомнений. Это произошло потому, что театр сумел при постановке этой пьесы применить высокий этический критерий оценки духовных качеств нынешнего человека, обнажить теневые стороны даже «положительного» характера, убедительно призывая зрителей становиться добрее, великодушнее, быть готовыми протянуть руку помощи каждому, кто попал в беду, уважать людей, вместе с которыми строим новый мир.

Острые, сугубо конфликтные пьесы Гельмана потому так широко идут по стране, что дают возможность театру выразить свою партийность. Они вскрывают промахи и пробелы не только в организации производства, но в первую очередь в психологии, в нравственном укладе людей. Театр зовет смело, решительно, во весь голос говорить о трудностях и недостатках нашей жизни, говорить с высокой кафедры сцены.

Партийность художника — в его страстном стремлении сделать жизнь светлее, лучше, труд — вдохновеннее. Партийность художника в его неколебимой уверенности: недостатки устранимы, а любые трудности можно преодолеть. Если человеку доставляет удовольствие смаковать наши недостатки, размазывать и преувеличивать их (увы, такие «художники», с позволения сказать, тоже иногда еще находятся), то ничего общего с партийностью, интересами общества его деятельность не имеет.

Нам очень важно уметь всегда правильно соотносить форму и содержание, оценивая явления искусства. Возьмем поэзию. Я лично очень люблю стихи. Хотя в отличие от многих артистов мне до-

ставляет удовольствие не чтение вслух, а пребывание с поэтом наедине, с глазу на глаз, чтение про себя. Попадаются разные стихи — и ясные, и сложные, и нарочито переусложненные. Не исключаю поиски и многообразие стилей в поэзии. Но любой поиск, любой поэтический стиль закономерен, если он не вуалирует, не заглушает смысл, не прячет бессодержательность.

Я говорю о литературе потому, что писатель, как изве-

стика Истории, рожденный в ее горнилах, закаленный на ее баррикадах. Нас интересуют причины и следствия возникновения новых психологических и нравственных качеств человека на стремнинах века.

Думаю, что спор о том, какой театр современнее — актерский или режиссерский, праздный, пора бы его уже кончить. Нужен театр Человеческий. Ибо Человек — единственный предмет исследования современ-

Вия АРТМАНЕ,
народная артистка СССР

стно, основоположник искусства и театра, и кино. Мы, артисты, находимся в прямой зависимости от него. Это не умаляет нашей ответственности: мы ведь должны суметь оживить художественное слово, раскрыть замысел драматурга, донести их до зрителя.

Старая истина: нельзя хорошо сыграть плохо написанную пьесу. Но где критерий? Критерий — партийность пьесы. Для нас важно, работает ли она на совершенствование зрителя, помогает ли ему занять активную жизненную позицию, утверждает ли в его душе наши идеалы? Партийность нужна не только тогда, когда мы имеем дело с актуальной, социально-значительной, общественной темой. Она нужна и в том случае, если театру дано раскрыть какую-то маленькую, но драгоценную деталь человеческого бытия, показать людям новую прекрасную черточку новой нравственности. Иногда деталь помогает увидеть и оценить огромное здание.

Особенно важно сохранять партийность, обращаясь к прошлому — Революции, Ленину, Великой Отечественной. Мы теперь смотрим на эти гигантские понятия с дистанции времени и опыта, воспринимаем их сложнее, тоньше, зорче, диалектичнее. Нам нужен не плакат, не лозунг, не голое действие. Нам нужен характер чело-

вого искусства. Прошлое — богатый и вечно живой источник такой исследовательской работы. И меня очень волнует каждое новое обращение искусства к классике. Много мы тут нагрели, но кое-чего и достигли. Это «кое-чего» надо беречь, утверждать.

Позволю себе остановиться на примере двух классических пьес. Обе — шекспировские «Ричард III» и «Ромео и Джульетта». Что такое «Ричард III»? Это субстанция злодейства. Но ведь не столько описание самого зла, сколько анализ почвы, его породившей и взрастившей. Ричард III — и жертва, и палач, это стало хрестоматийной истиной. Можно пользоваться разными красками для достижения цели. Но она, эта цель, должна быть ясна театру. Из многих интерпретаций шекспировского шедевра мне лично ближе всего Ричард, сыгранный несколько лет назад на сцене Горьковского театра В. Самойловым. Но как часто мы видели Ричарда, утонувшего в «технологии злодейства», смакуемого во всех натуралистических нюансах, и абсолютно абстрагированного от конкретных черт эпохи, от конкретной социальной среды! Обогащает ли нас, сегодняшних, такой «урезанный» взгляд на сложную, противоречивую и философски глубокую «сверхзадачу», поставленную Шекспиром?

«Ромео и Джульетта» — символ вечной любви, верности, которая торжествует, которая сильнее смерти. Как же должен растрогать, взволновать свою душу актер, чтобы сыграть вечную любовь и заставить зрителей ей поклоняться! Увы, еще часто вместо бури чистой страсти мы видим на сцене попытки приглушить, опосредствовать, заземлить Любви! Вместо ослепительной яркости и глубины чувств, которые так полезно нести сегодняшней молодежи, — бездуховные конструкции, натуралистические схемы, кое-где лишь «сдобренные» модным сексом!

Иные деятели искусства оправдывают свои упражнения стремлением «осовременить» классику, дескать, сегодняшнему зрителю она иначе покажется слишком примитивной, скучной. Заблуждение! Абстрактные конструкции и пошловатые ужимки, убивающие живую душу классики, гораздо скучнее и примитивнее, чем дерзновенный взлет к ее вершинам.

Я сыграла на сцене около 80 ролей, создала примерно 30 образов на экране. Считаю огромной удачей, что театр и кино соседствуют в моей артистической биографии. Кино — выход на широкий простор, на массового зрителя. Ибо даже при самом интенсивном театральном буме аудитория кинематографа во много раз востребованнее театральной. Кино чрезвычайно обогатило меня как актрису, как коммуниста, как гражданина. Кино вывело меня за рамки национального искусства, помогло на деле понять и почувствовать, что такое наша прекрасная дружба народов.

У меня множество верных друзей во всех республиках страны. Это и Евгений Матвеев, рядом с которым прошел мой путь от дорогой «Родной крови» до «Емельяна Пугачева». Это и Донатас Банионис, и Витаутас Томкус, это и эстонский режиссер Велья Кейспер, и грузинский — Лана Гогоберидзе... Их успехи — это и мои успехи. Всегда с нетерпением жду их оценок своей ра-

боты. Чувство семьи единой, царящее на наших съемочных площадках, — ни с чем не сравнимое, счастливое чувство.

Мне выпало огромное счастье сыграть Джулию в телевизионном фильме «Театр» по Сомерсету Моэму. Как радостно было преодолевать трудности, раскрывая пласт за пластом душу и ум этой пленительной и жестокой, этой, в сущности, несчастной рабыни беспощадного театрального бизнеса! И как хотелось бы мне получить роль, такую же объемную и многокрасочную, но только моей современницы и единомышленницы — сегодняшней советской актрисы!

Как бы много сил ни отдавала я кино, театр остается моим отчим домом. Все ценности, накопленные в жизни, в общении с людьми, я несу в родной театральный коллектив. Радостно, что его возглавляет такой тонкий и благородный художник, как Арнольд Лининь. Вместе с ним мы бережем, стараемся не распылять, а обогатить, умножить, художественные традиции прославленного режиссера Эдуарда Смильгиса. И не только эстетические, но и нравственные. Мы — за страстность, увлеченность, одержимость в искусстве. Мы против лени, безликости, вялости мысли.

Не место равнодушию на сцене, не место ему и в общественной жизни, которая буквально бурлит вокруг нас. Художник — боец, вынуженный партией на передний край. Непосредственно, кровно касается художника все, чем живут сегодня советские люди. Мы решительно против всякой кастовой отгороженности, элитарной привилегированности людей искусства. Артист должен слушать живой пульс сердца своей страны.

Иногда приходится слышать, что общественная работа отнимает так много времени! Да, конечно, она требует многих часов и даже бессонных ночей, сил, ума. Но она и дает актеру такое, чему невозможно научиться ни в одной театральной студии. Дает знание прекрасных людей, опыт коллектива, чувство постоянной сопричастности с деяниями народа.

РИГА.